

МАШИННОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ

Д.С. Шалагинов

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

deterritorisation@yandex.ru

Статья посвящена проблеме альянса человеческого и машинного. Мы встречаемся с этим мотивом в текстах таких теоретиков, как Жильбер Симондон, Жиль Делёз и Феликс Гваттари, Антонио Негри и Майкл Харат, Мануэль Деланда и других. Чтобы прояснить мысль о машинном порабощении и моделируемом пути освобождения через установление трансиндивидуальных коллективов или технический исход, мы обращаемся к произведению Роберта М. Пёрсига, содержание которого обнаруживает близость идеям упомянутых теоретиков. Пёрсиг наряду с Джеймсом Грэмом Баллардом, автором яркого романа «Автокатастрофа», в котором была представлена своеобразная модель перверсивной машинной сексуальности, отказывается от подозрительного взгляда на технику, переосмысливает отношения человека и машины. В этом смысле его произведение может быть вписано в своеобразный антихайдеггеринский тренд. Ярким представителем данной тенденции в области философии является Жильбер Симондон. Идеи авторов, чьи концепции рассмотрены в данной работе, подталкивают нас к необходимости принятия во внимание довольно простой мысли: вовсе не технические объекты являются источником человеческого отчуждения, многое решает вопрос подхода к машине.

Ключевые слова: машина, Симондон, технический исход, отчуждение, трансиндивидуальное, Пёрсиг.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-4.2-25-37

Буде, верховному Божеству, так же удобно в платах цифрового компьютера, как и на вершине горы или в цветочных лепестках.

Р.М. Пёрсиг. Дзэн и искусство ухода за мотоциклом. Исследование ценностей

Предварительные замечания

Отправной точкой для написания данной работы послужило переосмысление проблемы отчуждения, с которым мы встречаемся в тексте французского философа Жильбера Симондона «О способе существования технических объектов» [20]. Вкратце можно передать его мысль следующим образом: исток человеческого отчуждения отнюдь не в технике, скорее наоборот – именно утилитарный подход к техническим объектам со стороны человека приводит к порабощению машин. Несомнен-

но, это заявление нуждается в более или менее развернутом комментарии, но прежде чем предложить его, мы бы хотели обратить внимание на важный мотив альянса человеческого и нечеловеческого, который заключен в построениях теоретика и резонирует с идеями некоторых из его коллег по философскому цеху. О каких идеях идет речь? Наверное, здесь было бы проще воспользоваться советом Делёза и Гваттари и попробовать писать лозунгами [8, с. 43]: «осуществить технический исход (!), установить трансиндивидуальные коллекти-

вы (!), помыслить человека как “позвоночно-машинное животное” (!), совершить неожиданный мысленный эксперимент, представив себе историю, написанную роботом (!)», – все эти призывы кажутся предельно туманными. Для того чтобы продемонстрировать концептуальные решения, которые за ними скрываются, и логику, приводящую к их возникновению, мы бы хотели обратиться за помощью к произведению Роберта Мейнарда Пёрсига «Дзен и искусство ухода за мотоциклом» (1974), содержание которого вступает в явный резонанс с некоторыми философскими построениями Жильбера Симондона, Жюль Делёза и Феликса Гваттари, Антонио Негри и Майкла Харта, а также Мануэля Деланда, и потому, на наш взгляд, способно послужить инструментом для толкования вышеупомянутой идеи альянса человеческого и нечеловеческого (машинного), с которой мы встречаемся в их трудах. Попытка подобной процедуры предпринята в предлагаемом ниже тексте.

Федр и трансиндивидуальные коллективы

Для начала следует вкратце рассказать о содержании произведения американского автора. Книга Пёрсига написана в жанре философского романа-путешествия. В центре повествования – фигура своеобразного маргинального философа Федра, который вместе с сыном Крисом и двумя друзьями (Джоном и Сильвией Сазерлендами) отправляется во время отпуска в мототуристическую поездку. Разъезжая по периферийным дорогам и наслаждаясь созерцанием жизни в американской глубинке, Федр предаётся размышлениям, которые он образно характеризует как *шатокуа*, иначе говоря – он разворачивает у себя в

голове своеобразную беседу, как бы реанимирующую отжившую традицию популярных обучающих диалогов, которые некогда устраивались для развлечения и развития ума. В сущности, роман представляет собой именно зафиксированный поток размышлений персонажа, переплетающихся с отсылками к предшествующим событиям его жизни, которые помогают прояснить как поступки героя, так и выражаемые им идеи. Отправной точкой *шатокуа*, который пришел в голову Федра во время путешествия (далеко не первого как для него, так и для его спутников), стало различие в отношении к техническим объектам между ним и его друзьями Сазерлендами: если Федр считает необходимым самостоятельно заботиться о своем мотоцикле (при помощи прилагающихся инструкций настраивать и регулировать машину), то Джон предпочитает пользоваться услугами компетентного механика. Сильвия в этом отношении полностью на его стороне. И дело не ограничивается одним только мотоциклом: Федр приводит пример с краном Сазерлендов, из которого постоянно капает вода, но никто не берется решить эту проблему. Это подталкивает Федра к выводу о том, что супруги относятся к категории технофобов, которые пытаются сбежать от машин, спрятавшись где-нибудь поближе к «природе», но парадоксальным образом используют для этого такой технический объект, как мотоцикл.

Для технофобов техника представляет собой нечто вроде неопределенного, нечеловеческого, слепого чудовища – эдакая сила смерти, пожирающая землю, загрязняющая окружающую среду, повсеместно распространяющаяся и превращающая субъекта в чужака в собственной стране. Технические объекты становятся своеобразно

разными «черными ящиками», выставляющими на пути обращенного к ним субъекта таблички с надписью «ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Латур объясняет данное понятие на примерах компьютера Eclipse и спирали ДНК: «Кибернетики используют термин “черный ящик” всякий раз, когда машина или набор команд являются слишком сложными. На их месте они рисуют маленький квадрат, о котором не нужно знать ничего, кроме того, что у него есть на входе и на выходе. <...> Какой бы противоречивой ни была их история, каким сложным – внутреннее устройство и насколько бы ни были велики поддерживающие их коммерческие или академические сети, значение имеет лишь то, что на входе и выходе. Когда вы включаете Eclipse, на нем работают загруженные вами программы; когда вы сравниваете последовательности кислот, вы начинаете с формы двойной спирали» [10, с. 25–26].

Иначе говоря, для данной категории людей техника является стихией отчуждения, дегуманизации и, что немаловажно, омассовления. В этом отношении, констатирует Пёрсиг, они не являются исключительным случаем, и дело тут совсем не в подражании, как можно было бы подумать. В неприязни к машинам сходится огромное количество людей; более того, если попытаться, подобно журналистам, взглянуть на них как на коллектив, то можно получить некую иллюзию массового движения, эдакого «антитехнологического левого крыла». И не столь важно, что без техники фабрики останутся и многие люди лишатся работы, – логика здесь бессильна.

Пёрсиг предлагает довольно емкую характеристику своих персонажей: «Для антитехнарей, тех, кто против системы, изобрели клише и стереотипы – например, “бит-

ник”, “хиппи”; такие ярлыки будут появляться и впредь. Но личностей не превратить в толпу простой чеканкой массового клейма. Джон и Сильвия – вне толпы, как и все остальные, кто идут своей дорогой. Они, похоже, как раз и не желают вливаться в толпу, они против. А поскольку чувствуют, что на те силы, которые пытаются впихнуть их в толпу, очень завязана техника, техника им не нравится. Пока сопротивление в основном пассивно: побегу на природу, когда получается, и тому подобное, – но оно не обязательно останется пассивным» [12, с. 24–25]. Через Федра американский автор выражает свое несогласие с позицией Сазерлендов, причем вовсе не потому, что он не сочувствует их отношению к машинам, а в связи с тем, что бегство этих персонажей от распространенной повсеместно техники фактически эквивалентно добровольному (само-) разоружению.

Таким образом, Пёрсиг наряду с Джеймсом Грэмом Баллардом, автором яркого романа «Автокатастрофа» (1973) [1], в котором была представлена своеобразная модель перверсивной машинной сексуальности, отказывается от подозрительного взгляда на технику, переосмысливает отношения человека и машины. В этом смысле его произведение может быть вписано в своеобразный антихайдеггерианский тренд. Ярким представителем данной тенденции в области философии является Жильбер Симондон.

По мнению этого французского философа, противопоставление человека и машины не имеет оснований, так как технические объекты являются медиаторами между человеческим и природным [14, с. 114]. Причиной отчуждения, по Симондону, является отнюдь не негативное влияние машины и не стена, возведенная меж-

ду машиной как средством производства и трудящимся – ее пользователем, но не владельцем, а сам способ эксплуатации технических объектов, который приводит к разрыву между их онтогенезом и существованием. Иначе говоря, речь идет о дистанции между изобретением и использованием: «Технические объекты, порождающие наибольшее отчуждение, – заявляет Симондон, – суть те, которые предназначены для невежественных пользователей. Такие объекты приходят в упадок постепенно: будучи новыми в течение короткого времени, они обесцениваются, всё больше отдаляясь от состояния своего первоначального совершенства» [13, с. 103]. Таким образом, изготовитель и пользователь, приобретающий навык обращения с техникой исключительно посредством экономического механизма, оказываются разведены. Здесь мы без особого труда можем разглядеть проблему разрыва между эксплуатацией и обслуживанием мотоцикла, которая представлена Пёрсигом на примере четы Сазерлендов. Мы становимся свидетелями странной инверсии: герои Пёрсига позиционируют технику как отчуждающую силу, но, если следовать логике Симондона, именно они являются реальными агентами отчуждения, так как способствуют возникновению разрыва между изобретательской деятельностью и использованием техники. Но для того чтобы несколько прояснить эту логику, необходимо попытаться хотя бы в нескольких штрихах представить основные идеи французского теоретика.

По Симондону, философское значение существования технических объектов может быть понято только в свете обобщенной генетической интерпретации отношений человека и мира. Понятие генезиса является концептуальным аналогом индиви-

дуации, которая имеет место, когда сверхнасыщенная система реальности перерастает свое единство, в результате чего происходит трансдукция – фазовое смещение системы относительно себя самой, «физическая, биологическая, умственная или социальная активность, вследствие которой внутри одной сферы постепенно распространяется деятельность, и в качестве источника распространения выступает последовательное формирование структуры данной сферы: каждая область оформившейся структуры служит основообразующим элементом для следующей области, в результате чего параллельно с построением структуры в новые области также постепенно проникают изменения» [21, р. 32]. Образуется новая метастабильная форма организации, или структура, которая, будучи богатой потенциями, в ходе информационного насыщения снова «перерастает себя», что приводит к началу очередного процесса индивидуации, или формирования новой структуры. Таким образом, становление как таковое представляет собой «серию структурационных подвижек в системе или последовательных индивидуаций системы» [14, с. 95]. При этом нужно обратить особое внимание на то, что эволюция живых систем должна пониматься скорее как жизненный порыв, нежели как адаптация, тяготеющая к стабильному равновесию и управляющаяся целесообразностью, потому что «не существует единой и высшей цели, которую можно наложить на все аспекты эволюции, чтобы их скоординировать и описать их направление через поиск цели, возвышающейся над всеми частными целями» [Там же, с. 96].

Мы можем говорить о развитии лишь как о становлении систем, в ходе которого решаются возникающие проблемы.

В этом смысле Симондон выступает как мыслитель антигегельянского толка: если для Гегеля противоречие тезиса и антитезиса снималось посредством отрицания, а синтез предполагал отрицание отрицания, благодаря которому развитие переходило на иной уровень сложности, то Симондон заявляет об отсутствии результата синтеза, поскольку мы имеем дело лишь с синтетическим комплементарным отношением, а синтез никогда не достигается – становление не предполагает никакого завершения, система не движется по направлению к стабильному состоянию. Любые стабильные состояния понимаются как «логические срезы процесса индивидуации “метастабильной” системы»: «Среду, в которой осуществляется физическая, биологическая, психическая или же коллективная индивидуация, нельзя считать стабильной или нестабильной, как предполагали древние мыслители, признававшие лишь два проявления реальности: движение или его отсутствие. Эта среда метастабильная, иначе говоря, в ней совмещены две разнородные величины, обладающие различным потенциалом, и любое возникающее в ней явление влечет за собой фазовое превращение, которое приводит к индивидуации» [2, с. 15]. Иначе говоря, французский философ понимает становление не как восхождение к некоей цели, а как перманентный процесс изобретения, предполагающий постановку и решение проблем в условиях метастабильности [9, с. 55].

Одним из ключевых моментов учения Симондона является критика гилеморфизма. Философ называет его продуктом логической абстракции, тогда как материя и форма не являются раздельными. Для того чтобы это доказать, исследователь обращается к примеру с глиной и деревом: «Мы

не можем сказать, что глина пассивно подчиняется обработке с помощью опалубки <...> До всякой обработки, залегая в своем естественном состоянии в болоте, глина уже коллоидальна, то есть обладает активными пластическими свойствами, которые можно отнести на счет формы... Дерево в качестве материи еще менее пассивно, чем глина; подобного рода детали могут ускользать от философа, но не от того, кто работает с материалом; плотник, знающий секреты ремесла, обрабатывает дерево, принимая во внимание направление его волокон. Раздельности материи и формы не существует: материя всегда предстает как предварительно оформленная...» [15]. Эту предварительную оформленность Симондон связывает с наличием так называемых имплицитных форм.

Критика гилеморфизма, разделяющего любое сущее на материю и форму, оказывается связанной с проблемой отчуждения. Дело в том, что, несмотря на отчетливость терминов гилеморфической схемы, отношение между ними остается затемненным. Собственно техническим, по Симондону, является принятие формы как операция, т. е. индивидуация некоего объекта. Техническая операция, сведенная к труду как механическому выполнению совокупности заданных действий, не позволяет рабочему «проникнуть в литейную форму с глиной, сделаться одновременно формой и глиной, прожить и прочувствовать общую для них операцию, чтобы суметь помыслить принятие формы само по себе» [13, с. 97]. Трудящийся разрабатывает две технические полуцепочки: подготавливает материю (глину) и литейную форму, затем прессует ее в форму. А так как условием принятия формы является система в целом, рабочий, по мысли Симондона, подготавливает

лишает условия для медиации, перехода материи в форму как собственно технической операции, но так и не осуществляет ее. Трудовая парадигма делает технический объект утилитарным, но утилитарность отнюдь не включена в определение последнего: «Технический объект может быть прочитан как носитель определенной информации; если его лишь используют, эксплуатируют и, как следствие, поработают, он уже не может нести никакой информации – подобно книге, употребляющейся как подкладка или подставка» [13, с. 100]. Для того чтобы технический объект мог нести информацию, т. е. передавать некую форму, субъект должен владеть аналогичными формами, дабы извлекать значение, возникающее в акте передачи. Трансформация представления о техническом объекте, который теперь воспринимается не в качестве источника пользы, но как носитель информации, способна привести к установлению отношения, называемого трансиндивидуальным – оно устанавливается посредством доиндивидуальной реальности, виртуально хранящейся в индивидуальном бытии.

Трудовая община конституирует отношения только между индивидами. Тем самым она отрезает их от доступа к виртуальному измерению их бытия, содержащего заряд природного начала, актуализация которого является условием возможности изобретательской деятельности. Таким образом, трудовая парадигма отчуждает человеческое существо вне зависимости от экономических модальностей. В результате мы получаем ситуацию, в которой рабочий знает лишь то, что входит в машину и выходит из нее (машина становится «черным ящиком», «темной зоной»). Сама же операция, совершающаяся в машине, и способ функционирования технического объек-

та не познаются. Тем самым исток отчуждения, по Симондону, коренится именно в разрыве между изобретением и эксплуатацией технического объекта. Соответственно, единственным возможным выходом, который видит философ, является ликвидация этого зазора, переосмысление отношений человека и машины, повышение уровня технической культуры и создание трансиндивидуальных коллективов, в которых различие между изобретательскими и организационными способностями субъектов будет стерто, а одна деятельность будет продолжаться в другой. Можно с горечью признать, что установление подобной коллективной реальности представляется более чем проблематичным. Но если вспомнить о концепции становления как бесконечной серии постановок и решений проблем, можно предположить, что гипотетический альянс человеческого и машинного как этап на пути к конституированию трансиндивидуальных коллективов является одной из проблем, терпеливо ожидающих решения.

В точке рассеяния двух терминов

Предельно радикальным способом помыслить альянс человеческого и машинного является идея технического исхода. Возможность возникновения подобного концепта отсылает к изменению условий общественного производства, которое в рамках позднего капитализма становится всё более завязанным на «силы науки, аффекта и языка», принадлежащие гетерогенному субъекту труда. Присвоение производительных сил этим субъектом (множеством) происходит в поле радикальных [психо-] соматических метаморфоз. Антонио Негри и Майкл Хардт полагают, что подобная апроприация заключается в акте гибридизации с ма-

пинами, вновь присвоенными и/или изобретенными производящими массами. Таким образом, происходит своего рода механический исход, преобразование субъекта в машину, в результате чего возрастает сила конституирующей его кооперации с другими субъектами/машинами. По мнению теоретического тандема, процесс соединения человека и машины имеет давнюю историю, но только в нынешних условиях мы достигли момента, когда контролировавшая гибридизацию власть может быть ниспровергнута [16, с. 340]. Философы заявляют, что уже Марксу была вполне ясна ложная природа конфликта рабочего и машины, ведь машина как орудие производства, умножающее человеческие силы и позволяющее субъекту актуализовать свою виртуальность, отнюдь не эквивалентна капиталистическому способу ее использования (по Симондону – утилитарному подходу к техническому объекту). Негри и Хардт заявляют о том, что именно на данном этапе социально-политического развития новые виртуальности, жизнь как таковая обретают способность контролировать процессы технических преобразований, а «политическая борьба за определение машинной виртуальности, то есть за альтернативы перехода от виртуального к реальному, является основной» [Там же, с. 341].

В контексте разговора о техническом исходе важно понимать, что гибридность как таковая отнюдь не является панацеей. Она становится продуктивным инструментом освобождения от не менее гибридного, сетевого властного режима, называемого теоретиками Империей, лишь в контексте производственной кооперации: «Антропологические метаморфозы тел, – заявляют Негри и Хардт, – совершаются посредством общего опыта труда и новых

технологий, обладающих конститутивным воздействием и онтологическими смыслами. Орудия всегда выполняли для человека роль протезов, интегрированных в наши тела нашей трудовой практикой, они были своего рода антропологической мутацией как в отношении индивида, так и в отношении коллективной жизни общества. Сегодняшняя форма исхода и новая жизнь в условиях варварства нуждаются в том, чтобы эти орудия труда стали пойтеческими протезами, высвобождающими нас из условий, в которых находилось человечество во времена современности» [Там же, с. 205]. В данном контексте философский тандем вспоминает о «притче о киборгах» Донны Харауэй, которая провозглашает: «Нет ничего, что действительно убедительно фиксировало бы разграничение человеческого и животного. <...> Второе прохудившееся разграничение – между животнo-человеческим (организмом) и машиной» [18].

Этот «миф о нарушенных границах» очевидным образом резонирует с идеями Жюлья Делёза и Феликса Гваттари, чьи труды несомненно оказали важное влияние на Негри и Хардта. В работе «Анти-Эдип» (1972) французские философы предложили пересмотреть границу между органическим и машинным посредством ревизии базовых постулатов витализма и механицизма: «Нужно, – заявляют философы, – взорвать виталистский тезис, ставя под вопрос специфичное или персональное единство организма, а затем и механицистский тезис, ставя под вопрос структурное единство машины» [6, с. 448]. Каким образом они намерены это осуществить? Теоретики ставят перед нами вопрос о том, способна ли машина к репродукции. Стандартный ответ на него будет отрицательным, ведь еще ни одна машина не была (вос-)произведе-

на машиной ее «вида». Но здесь философы совершают неожиданный маневр и отсылают нас к модели размножения клевера, для размножения которого необходим переносчик пыльцы, в качестве которого выступает шмель. Таким образом, насекомое является частью репродуктивной системы растения. В таком случае вполне оправданно теоретики задаются вопросом: почему бы нам не являться частью репродуктивной системы машин? Мысль о подобном симбиотическом альянсе двух гетерогенных акторов подталкивает философский тандем к переопределению человека: «В этой точке рассеяния двух терминов уже неважно, что именно сказать – что машины являются органами или органы машинами. Два определения равноценны – человек как “позвоночно-машинное животное” или как “паразит, гнездящийся на машинах”» [6, с. 450]. Исходя из подобного взгляда, теоретики постулируют: граница пролегает не между органическим и машинным, а между двумя состояниями живого/машинного – молекулярным и молярным. Если первое отсылает нас к элементарным силам – машинам желания – и предполагает стирание грани между формированием и функционированием, ведь «только желание живет жизнью без цели» [Там же, с. 578], то второй – к статистическим системам, результирующим силам, которые реагируют на первые. Разрушение структурного единства машины и персонального единства организма, по мнению теоретиков, позволяет обнаружить непосредственную связь между машиной и желанием. Если единство как организма, так и машины отсылает нас к молярному уровню, то под желающими машинами понимаются некие элементарные силы, которые представляют собой рассеянную множественность частиц, неупоря-

доченное взаимодействие которых приводит к появлению молярных сборок. Этот взгляд на желание как на материальный поток микрофизических элементов позволяет Делёзу и Гваттари ликвидировать традиционное различие между живым и неживым и постулировать существование области неразличимости между микрофизическим и биологическим. Из этого, в свою очередь, следует, что «живого в машине не меньше, чем машинного в живом» [Там же, с. 450].

Но можно ли назвать желающие машины собственно машинами, ведь эти микроэлементы не предполагают структурного единства? Теоретики отвечают на этот вопрос положительно, ведь подобные машины оперируют на уровне, где функционирование и формирование еще смешаны, так как процесс их сборки начинается в области, где статистические законы еще не действуют [Там же, с. 451]. Таким образом, желающие машины и общественные, технические и другие машины – это те же машины в разных условиях, но между ними нет различия по природе. Они представляют собой взаимодействующие на различных уровнях сущности, онтологический статус которых одинаков [17]. По сути, желающие машины и образуют первичный поток неоформленной материи, чистую виртуальность, или то, что философы называют телом без органов. Последнее производится как целое, но это целое не тотализует части. Оно, объясняют свою мысль теоретики, является субстанцией в Спинозовском смысле этого слова. Здесь уместно привести делёзианское определение субстанции как активного единства изменения: «Субстанция определяется не через сущность, она определяется через активный источник ее собственных модификаций...» [4, с. 280, 281]. По сути, специфиче-

ская терминология французского тандема необходима для того, чтобы суметь помыслить механизм гетерогенетического становления, который впоследствии был зафиксирован посредством концепта «ризомы» (введенного в работе «Кафка: за малую литературу» (1975) [7], но, на наш взгляд, так и не получившего там адекватной дефиниции). В «Тысяче плато» (1980) ризома определяется как некая сборка, меняющая свою природу по мере наращивания новых соединений [8, с. 14]. Как признавались впоследствии теоретики, называемое ими ризомой представляет собой случай открытой системы, идея которой почерпнута из современных наук [5, с. 49]. Заметим, что между теориями Делёза/Гваттари и Симондона, на которого они во многом ориентируются и неоднократно ссылаются, нет никаких принципиальных различий/противоречий. Во-первых, в обоих случаях мы имеем дело с ликвидацией любой внешней цели становления («процесс, а не цель, производство, а не выражение» [6, с. 211]). Во-вторых, как у Симондона, так и у Делёза/Гваттари мы имеем дело с постановкой во главу угла процессуального аспекта: предпочтение линии точке у французского тандема, предпочтение операции структуре у Симондона. В-третьих, обе теории являются двумя разными версиями того, что можно назвать онтологией избытка [22, р. 7], фундированной идеей бытия как (виртуального) сверхизобилия.

Итак, возвращаясь к рассмотрению вопроса об альянсе человеческого и машинного, необходимо признать, что машинное отнюдь не выступает противоположностью человеческого и, шире, органического. Дело в том, что машиной является любая контингентная ризоматическая сборка, образуемая благодаря соединению любых

акторов – человеческого либо нечеловеческого происхождения (людей, животных, знаков, орудий, высказываний, желаний) в некоторый ансамбль [19] (в качестве содержательно близкого сборке концепта можно вспомнить о латурианской сетевой ассоциации [11, с. 234]).

Подобная концепция подготавливает почву для идеи своеобразной машинной истории, с размышлениями о которой мы встречаемся на страницах книги Мануэля Деланда «Война в эпоху разумных машин» [3]. Американский философ рассуждает о возможности истории, написанной не человеком, а роботом, и заявляет о том, что с позиции подобного историка люди должны представлять собой нечто вроде суррогатных органов машинной репродукции (здесь мы снова встречаемся с идеями, выраженными в работах Делёза и Гваттари), но в конечном счете тела людей и роботов являются частью машинного филума, под которым понимается совокупность всех процессов самоорганизации во вселенной – процессов, в ходе которых «группа ранее не связанных элементов внезапно достигает критической точки, в которой они начинают “кооперироваться”, образуя единую сущность более высокого уровня» [Там же, с. 14], т. е. процессов возникновения молярных сборок. Из этой идеи следует, что отнюдь не только органическая жизнь (в первую очередь человек) способна к порождению некоторых метастабильных форм порядка, вписанных в движение естественного отбора. Порядок спонтанно возникает из хаоса, и в этом можно увидеть своеобразное творчество самой природы, которое проявляется при условии наличия неких критических точек, или сингулярностей, в окрестностях которых некоторая совокупность ранее не связанных

элементов образует синергетическое целое [3, с. 32]. Примером может послужить феномен турбулентности. По мнению философа, в центре внимания роботизированного историка неизбежно оказались бы эти процессы, потому что они принципиально важны для возникновения разумных машин. Отслеживание сингулярностей позволяет людям поставить их на службу развития технологий, тем самым «люди-ремесленники играют роль исторически необходимых “медумов” “креативности” машинного филума», который образует определенную форму неорганической жизни [Там же, с. 16]. Деланда заявляет о том, что в свое время Делёз обнаружил философский смысл трех уровней фазового пространства: отдельных траекторий, соответствующих реальным объектам; аттракторов, соответствующих долгосрочным тенденциям некоторых систем, и бифуркаций, соответствующих изменениям этих долгосрочных тенденций. Французский философ провел различие между актуальными (траектории) и виртуальными (аттракторы/репеллеры) системами. Последние возникают благодаря эмиссии сингулярностей событиями (бифуркации). Деланда считает, что делёзианское понятие виртуального (или абстрактной машины) может быть отождествлено с набором аттракторов, тогда как траектории – с конкретными актуализациями. Если аттракторы выражают относительно долгосрочные тенденции развития системы, то бифуркации – источник вариативности. По мнению американского теоретика, важная задача Делёза состояла в том, чтобы обнаружить принцип, стоящий за стратификацией, иначе говоря – воплощением бифуркаций в аттракторах, которые, в свою очередь, воплощаются в конкретных физических системах.

И здесь на сцену вступает концепт машинного филума, который позволяет ликвидировать оппозицию между органическим и неорганическим, так как «...литосфера, атмосфера и биосфера являются всего лишь аспектами одной и той же “механосферы”... Словно бы через все филогенетические линии, произведенные эволюцией (позвоночные, моллюски, а также облака и реки), проходил один и тот же машинный филум» [Там же, с. 29]. Эти идеи, как мы видим, представляют собой весьма эффективный способ преодоления дуализма не только человеческого/нечеловеческого, но и органического/неорганического. Деланда выражает крайний энтузиазм в отношении идеи ризоматического соединения человека и машины: «Компьютерный экран, – полагает он, – стал не только местом, где машинный филум объединяет людей и машины в единство более высокого порядка, некое синергетическое целое, но и окном в сам машинный филум» [Там же, с. 328]. Кроме того, мысль американского философа о машинном филуме как инстанции, проходящей через все филогенетические линии и стимулирующей их эволюцию, оказывается конгенитальной идее автора «Дзен и искусство ухода за мотоциклом», которую мы использовали в качестве эпиграфа для настоящей работы: «Будде, верховному Божеству, так же удобно в платах цифрового компьютера, как и на вершине горы или в цветочных лепестках» [12, с. 25].

Идеи Мануэля Деланда, как, впрочем, и остальных авторов, чьи концепции рассмотрены в данной работе, подталкивают нас к необходимости принятия во внимание довольно простой мысли: вовсе не технические объекты являются источником чело-

веческого отчуждения, многое решает вопрос подхода к машине. Возможность ликвидации разрыва между изобретением и эксплуатацией, кооперации человеческого и нечеловеческого не так уж сложно представить в качестве одной из проблем, неизбежно возникающих в ходе эволюции системы. Ее решение – кто знает? – вполне может оказаться началом пути взаимного освобождения человека и машины¹.

Литература

1. *Баллард Дж.* Автокатастрофа: роман. – Киев: Ника-Центр, 1999. – 304 с.
2. *Гейро Ж.* Предисловие к русскому изданию // Симондон Ж. Два урока о животном и человеке. – М.: Грюндриссе, 2016. – 140 с.
3. *Деланда М.* Война в эпоху разумных машин. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2014. – 338 с.
4. *Делёз Ж.* Лекции о Лейбнице. 1980, 1986/87. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 376 с.
5. *Делёз Ж.* Переговоры, 1972–1990. – СПб.: Наука, 2004. – 235 с.
6. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения: пер. с фр. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.
7. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Кафка: за малую литературу. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015. – 112 с.
8. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с.
9. *Куртов М.* К теологии кода. Генезис графического пользовательского интерфейса. – СПб.: Транслит, 2014. – 88 с.
10. *Латур Б.* Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. – СПб.: Изд-во Европейского университета, 2013. – 414 с.
11. *Латур Б.* Несводимое // Латур Б. Пастер: Война и мир микробов. – СПб.: Изд-во Европейского университета, 2015. – 316 с.
12. *Пёрсиг Р.* Дзэн и искусство ухода за мотоциклом: исследование ценностей. – М.: АСТ, 2014. – 476 с.
13. *Симондон Ж.* О способе существования технических объектов // Транслит. – 2011. – № 9. – С. 94–105.
14. *Симондон Ж.* Суть техничности // Синий диван. – 2013. – № 18. – С. 93–114.
15. *Скопин Д.* Мембрана и жизнь в складках: Жильбер Симондон и Жиль Делёз [Электронный ресурс] // Синий диван. – 2011. – № 16. – URL: <http://morebo.ru/tema/kritika/item/мембрана-и-жизнь-в-складках-жильбер-симондон-и-жиль-делёз> (дата обращения: 22.11.2016).
16. *Хардт М., Негри А.* Империя. – М.: Праксис, 2004. – 440 с.
17. *DeLanda M.* Deleuze: history and science [Electronic resource]. – URL: <http://www.univp-gri-palembang.ac.id/perpus-fkip/Perpustakaan/Filsafat/Postmodernisme/DeLanda%20-%20Deleuze%20-%20History%20and%20Science.pdf> (accessed: 22.11.2016).
18. *Haraway D.* A cyborg manifesto [Electronic resource]. – URL: <http://faculty.georgetown.edu/irvinem/theory/Haraway-CyborgManifesto-1.pdf> (accessed: 22.11.2016).
19. *Raunig G.* A few fragments on machines [Electronic resource]. – URL: <http://transform.eirpcp.net/transversal/1106/raunig/en> (accessed: 22.11.2016).
20. *Simondon G.* Du mode d'existence des objets techniques. – Paris: Aubier, 2001. – 337 p.
21. *Simondon G.* L'Individuation a la lumiere des notions de forme et d'information. – Grenoble: Jerome Million, 2005. – 297 p.
22. *Tonder L., Thomassen L.* Introduction: Rethinking radical democracy between abundance and lack // Radical democracy between abundance and lack / ed. by L. Tonder, L. Thomassen. – Manchester: Manchester University Press, 2005. – P. 1–13.

¹ Об освободительном потенциале технологий размышляет Мануэль Деланда в финале своей работы [3, с. 335].

MACHINE LIBERATION

D.S. Shalaginov

National Research University
“Higher School of Economics”
Moscow, Russian Federation
deterritorisation@yandex.ru

The article is devoted to the problem of an alliance of a man and a machine. We find this motive in the texts by such theorists as Gilbert Simondon, Gilles Deleuze and Felix Guattari, Antonio Negri and Michael Hardt, Manuel DeLanda and others. To clarify the idea of machine enslavement and the modeled way of emancipation by constituting the transindividual collectives or technical exodus, we appeal to Robert M. Pirsig’s novel “Zen and the Art of Motorcycle Maintenance” which content appears to be close to the mentioned theorists’ ideas. Pirsig, as well as James Graham Ballard, the author of a brilliant novel “Crash,” where an original model of perverse machine sexuality was presented, denies a suspicious glance at the techniques and rethinks the relationship between a man and a machine. In this sense, his work can refer to anti-Heideggerian trend. Gilbert Simondon is a bright representative of this trend in philosophy. The ideas of the authors, whose concepts are considered in this paper, urge us to take into account a relatively simple idea: not the technical objects are a source of human alienation at all; a lot depends on the approach to the car.

Keywords: machine, Simondon, technical exodus, alienation, transindividual, Pirsig.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-4.2-25-37

References

1. Ballard J. *Antokatastrofa* [Crash]. Kiev, Nika-Tsentr Publ., 1999. 304 p. (In Russian)
2. Geiro G. Predislovie k russkomu izdaniyu. Simondon G. *Dva uroka o zhivotnom i cheloveke* [Two lessons on animal and man]. Moscow, Gryundrisse Publ., 2016. 140 p. (In Russian)
3. DeLanda M. *Voina v epokhu razumnykh mashin* [War in the age of intelligent machines]. Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 2014. 338 p. (In Russian)
4. Deleuze G. *Lektsii o Leibnitse. 1980, 1986/87* [Lectures on Leibniz. 1980, 1986/87]. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2015. 376 p. (In Russian)
5. Deleuze G. *Peregovory, 1972–1990* [Negotiations, 1972–1990]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004. 235 p. (In Russian)
6. Deleuze G., Guattari F. *Capitalizme et schizophrénie*. Vol. 1. *L’Anti-Oedipe*. Paris, Les Edition de Minuit, 1972 (Russ. ed.: Delez Zh., Gvattari F. *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya*. Translated from French. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2007. 672 p.).
7. Deleuze G., Guattari F. *Kafka: za maluyu literaturu* [Kafka: for minor literature]. Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 2015. 112 p. (In Russian)
8. Deleuze G., Guattari F. *Capitalizme et schizophrénie*. Vol. 2: *Mille plateaux*. Paris, Les Edition de Minuit, 1980 (Russ. ed.: Delez Zh., Gvattari F. *Tsyayacha plato. Kapitalizm i shizofreniya*. Translated from French. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2010. 895 p.).
9. Kurtov M. *K teologii koda. Genezis graficheskogo pol’zovatel’skogo interfeisa* [By the theology of the code. The genesis of the graphical user interface]. St. Petersburg, Translit Publ., 2014. 88 p.
10. Latour B. *Science in action: how to follow scientists and engineers through society*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1987 (Russ. ed.: Latur B. *Nauka v deistvii: sleduya za uchbenymi i inzhenerami vntri obshchestva*. St. Petersburg, Evropeiskii universiteta Publ., 2013. 414 p.).
11. Latour B. Nesvodimoe [Irreducibility]. Latour B. *Voina i mir mikrobov* [War and peace of the microbes]. St. Petersburg, Evropeiskii universiteta Publ., 2015. 316 p. (In Russian)

12. Pirsig R. *Džen i iskusstvo ukhoda za mototsiklom: issledovanie tsennosti* [Zen and the art of motorcycle maintenance: an inquiry into values]. Moscow, AST Publ., 2014. 476 p. (In Russian)
13. Simondon G. O sposobe suschestvovaniija tehničkih objektov [On mode of existence of technical objects]. *Translit*, 2011, no. 9, pp. 94–105. (In Russian)
14. Simondon G. Sut' tekhnichnosti [The sense of technique]. *Sinii divan*, 2013, no. 18, pp. 93–114. (In Russian)
15. Skopin D. Membrana i zhizn' v skladkakh: Zhil'ber Simondon i Zhil' Delez [The membrane and the life in the folds: Gilbert Simondon and Gilles Deleuze]. *Sinii divan*, 2011, no. 16. Available at: <http://morebo.ru/tema/kritika/item/мембрана-и-жизнь-в-складках-жилбер-симондон-и-жил-делёз> (accessed 22.11.2016)
16. Hardt M., Negri A. *Empire*. Cambridge, Harvard University Press, 2000 (Russ. ed.: Khardt M., Negri A. *Imperiya*. Moscow, Praxis Publ., 2004. 440 p.).
17. DeLanda M. *Deleuze: history and science*. Available at: <http://www.univpgri-palembang.ac.id/perpus-fkip/Perpustakaan/Filsafat/Postmodernisme/DeLanda%20-%20Deleuze%20-%20History%20and%20Science.pdf> (accessed 22.11.2016)
18. Haraway D. *A cyborg manifesto*. Available at: <http://faculty.georgetown.edu/irvinem/theory/Haraway-CyborgManifesto-1.pdf> (accessed 22.11.2016)
19. Raunig G. *A few fragments on machines*. Available at: <http://transform.eipcp.net/transversal/1106/raunig/en> (accessed 22.11.2016)
20. Simondon G. *Du mode d'existence des objets techniques*. Paris, Aubier, 2001. 337 p.
21. Simondon G. *L'Individuation a la lumiere des notions de forme et d'information*. Grenoble, Jerome Million, 2005. 297 p.
22. Tonder L., Thomassen L. Introduction: Rethinking radical democracy between abundance and lack. *Radical democracy between abundance and lack*. Ed. by L. Tonder, L. Thomassen. Manchester, Manchester University Press, 2005, pp. 1–13.